

Максим Горький

Ванька Мазин

Максим Горький

Ванька Мазин

«Public Domain»

1897

Горький М.

Ванька Мазин / М. Горький — «Public Domain», 1897

«Его называли Разгильдеем, Комариной тоской, – всё это как нельзя лучше шло к нему и, очевидно, нимало не трогало его самолюбия, ибо он на все клички охотно отвечал своим апатичным и сиплым голосом:– Што те?»

Максим Горький

Ванька Мазин

Сдавленный с боков и удлинённый череп, с оттопыренными большими ушами, жёлтое, апатичное лицо, с рыжими кустиками волос на скулах и остром подбородке, меланхолично выпученные, неподвижные и бесцветные глаза, длинный нос, отвислая нижняя губа и большой, всегда полуоткрытый рот; шея, тоже длинная и вся в узловатых жилах, плечи опущены книзу, грудь ввалилась, живот выдался вперёд, как у беременной женщины, левая рука заметно короче правой, а ноги изогнуты колесом; на голове этой неуклюжей фигуры висит рыжий картуз с чёрной заплатой посередине и с изломанным козырьком; картуз велик, и для того, чтоб он не падал на глаза, его вешают на левую сторону длинной головы, он держится на раковине уха и на ключьях густых желтоватых волос, склеенных пылью и грязью до плотности войлока; пестрядинная рубаха, вся в заплатах, болтается на этом уродливом теле как-то особенно неприглядно, порты слишком широки для сухих и тонких ног, онучи растрёпаны, и лапти разбиты. Вот вам точный портрет Ваньки Мазина, плотника-вятича, созданного природой как бы специально ради олицетворения понятия о несуразном человеке да для потехи и развлечения ближних своих.

Ванька Мазин с большим успехом служил последней цели, – ещё издали, видя его, товарищи по артели смешливо восклицали, кивая головами в его сторону:

– Чёртова карета едет!

Я никогда не видал чёртовой кареты, но при виде Мазина, передвигающегося по земле, мне всегда казалось, что из его тела вытянуты все жилы и от этой причины у него образовалась такая странная походка: ноги, прежде чем двинуться вперёд, сначала откидывались вправо и влево, точно они желали осведомиться, нет ли где в стороне более ровного и лёгкого пути для их несуразного хозяина; руки вяло болтались по бокам развинченного и сутулого туловища, голова неустанно тряслась в безуспешной борьбе с картузом, съезжавшим на нос, нос громко храпел и шмыгал, пещер с инструментами сбивался со спины на бока; но при всём этом меланхоличные глаза Мазина оставались неподвижными, устремлённые куда-то глубоко в даль, точно они жили жизнью совершенно отдельной от жизни развинченного тела.

Он имел смешную привычку всегда мурлыкать себе под нос какую-то песню без слов и, должно быть, без конца; он и на ходу не бросал этой привычки, он шёл, пел, фыркал носом и действительно представлял некоторое подобие старого, ржавого, скрипучего экипажа, растерявшего от долгой работы все свои гайки и скрепления.

Его называли Разгильдеем, Комариной тоской, – всё это как нельзя лучше шло к нему и, очевидно, нимало не трогало его самолюбия, ибо он на все клички охотно отвечал своим апатичным и сиплым голосом:

– Што те?

По паспорту ему было сорок семь лет, но даже молодые парни в артели звали его Ванькой и очень редко – по фамилии. Уничижительная кличка тоже нимало не трогала его; он был глубоко равнодушен к своим товарищам, любил уединение и умел быть одиноким среди компании.

Когда, в праздники, артель шла всем составом в трактир пить чай, он тоже шёл, если его звали, но, сидя за чаем и за бутылкой водки, он всё равно оставался таким же молчаливым и меланхоличным, каким был всегда. Но, несмотря на это, было бы несправедливо назвать его нелюдимым: нет, он скорее походил на человека, задумавшегося над чем-то неразрешимо мудрым и склонного к тихому умопомешательству. Его широко открытые глаза, смотревшие как-то точно сквозь стены и людей, уже с первых дней его вступления в артель навели дедушку Осипа, артиста-плотника и Нестора артели, на такую мысль:

– Вятч-от, видно, того... нездоров душой-то... Глаз у него не играет, око мёртвое...

Н-да! Значит, того... или он замаян жизнью своей, или совесть у него не энтото... нечиста, стало быть... С пятном, значит... А от этого глаз-от у человека застилает, пятно-то с души на глаз и падает... У которого человека глаз бегаёт, – тоже нехорошо, – беспокойство, значит, есть на душе... от совести али от думы какой, а и у которого омертвел глаз, тоже плохо... Ежели человек состоит в своей полноте и внутри чист, – у него глаз прямой... смотрит себе прямо на всё и светится, играет, значит... н-да... Стало быть, вы, ребята, того... за вятчем-то надзирайте, как бы чего не было: человек он нам неизвестный...

Ребята всей артелью стали следить за поведением человека с мёртвыми глазами и на первых же порах усмотрели, что он – очень плохой работник. Ремесло он знал, но топор, пила и рубанок в его длинных руках действовали плохо, железо как бы пропитывалось апатией человека и, обрабатывая дерево, не звучало с такой гордой силой, как звучало оно в руках других работников. Иногда среди работы Мазин вдруг останавливался и, молча рассматривая инструмент, о чём-то думал над ним.

– Ты! Мухомор! Задремал?! – сурово окрикивал его десятник.

Мазин молча принимался за своё дело.

– Он у нас неторопливый человек, – презрительно посмеивались ребята.

– А куда торопиться? – серьёзно спрашивал Ванька Мазин и ждал ответа, глядя на ребят.

Они смеялись, дразнили его; он оставался неуязвим, скрытый от колкостей и грубых выходов за своим равнодушием.

Не любили его. Он один был вятский среди артели нижегородцев, он был плохим товарищем, ленивым, неинтересным, не артельным человеком. Но, смеясь над ним, его не трогали особенно грубо, ибо знали, что он, несмотря на свою изломанную кость, силен. Узнали это так.

Однажды на стройке человек шесть несли здоровое бревно; Мазин стоял под самым комлем.

– Не качай! – кричали ему передние. Но он не мог идти нога в ногу с ними, – его кривые ноги не позволяли ему этого, и бревно «толкалось».

– Колченогий дьявол, ровней иди!

Он похрахтывал, – старался применить к шагу товарищей, и бревно ещё более толкало их.

– Росомаха чёртова! – крикнул коренастый Яков Лаптев, один из силачей артели, и ударил Мазина длинной и тяжёлой щепой ниже спины. Мазин крякнул и, не сказав ему ни слова, пошёл дальше. А когда бревно отнесли куда было нужно, он воротился к месту, где работал Яков, остановился перед ним и спокойно спросил его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.